

ФАНТАСТИКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

«ДЕТЕКТИВ – 2004»

МОСКВА
2005

SHOUT
SHARE

IT

Annotation

Рассказ принял участие в конкурсе КЛФ-6 «Фантастический детектив». Шестое место. Теперь выложена правленная версия. Огромная благодарность Елене Клещенко за ценные замечания по улучшению текста.

- [Владислав Русанов](#)

Владислав Русанов

АЛМАЗ ДИНГААНА

Нож и вилка едва слышно звякнули о тарелку. Молчаливый стюард шагнул из угла.

— А теперь, леди и джентльмены, позвольте мне вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей, — капитан О'Найл встал из-за стола, поклонился вначале дамам, после мужчинам, надел фуражку и вышел.

Закончился еще один — восьмой по счету — обед с момента выхода «Суламифи» из кейптаунского порта. Он прошел ничуть не увлекательнее, хотя, следует признать, и не скучнее любого из предыдущих.

Обнаружив, что полковник Керриган, лейтенант Фитц-Рой с супругой, а также второй помощник Вудс направились в курительную комнату, Эзра Харрисон понял, что предстоит очередная обстоятельная и неспешная беседа о недавно окончившейся победоносной войне, щедро пересыпанная восхвалениями английского оружия, руганью в адрес «безмозглого» Буллера и похвалами Китченеру. Нет, молодой человек не был противником колониальной политики Ее Величества, но изо дня в день? Это уж слишком.

Поэтому он предпочел уюту и полудомашней обстановке курительной комнаты прохладный аквилон верхней палубы. Грязно-зеленые с ключьями желтоватой пены барханы Атлантики раскинулись сколько видит глаз с правого и левого борта. На полуите, черным силуэтом прорисовываясь на фоне пронзительно-синего неба, застыла худощавая и на вид тщедушная фигурка француза. Николя Пастер, кажется? Галл, очутившийся в компании англосаксов, чувствовал себя несколько скованно и поэтому близко не сошелся ни с кем. Односложно отвечал на приветствия, в беседы не вступал, отговариваясь плохим знанием языка. Но, тем не менее, Пастер производил впечатление человека неглупого, да и как может оказаться глупцом ученый, возвращающийся из длительной этнографической экспедиции? Возможно, с ним будет интересно побеседовать на досуге. К тому же...

— Не помешаю? — Эзра оперся о релинг рядом с этнографом.

— Что вы, мистер Харрисон, — отозвался француз, — если вас устроит мой препротивнейший английский.

Акцент у него действительно ощущался. Мягкий, слегка коверкающий окончания слов, но ничуть не более непонятный,

чем привычный любому лондонцу кокни.

— Устроит, — улыбнулся молодой человек. — Какая в сущности разница, глотает собеседник букву «ха» или нет, если есть о чем поговорить?

— Вы правы. Возможно, — Пастер не поворачивался, пристально наблюдая за длинными пенными «усами», убегающими от кормы в даль с тем, чтобы вскоре раствориться в непрерывном мельтешении волн. — Люблю, знаете, постоять вот так, когда жара уже миновала. Послушать, как море дышит и шепчет...

— Да вы поэт, мсье, — покачал головой Харрисон. — Мне самому еще не приелась романтика морских дорог.

— Дело не в привычке, а в состоянии духа, не так ли?

На вид француз не выглядел стариком — так, легкая седина висков и пара-тройка белых волосинок в усах. А вот глаза... Глаза выдавали много повидавшего на своем веку человека.

Эзра выпустил из трубки клуб сиреневого дыма, немедленно подхваченный небрежным проказником ветром и унесенный далеко за корму, и процитировал по памяти:

— Черные глаза — зарниц
Блеск, от штевня пенный хвост.
До утра под шепот плиц
Простоим в сияньи звезд...

Этнограф усмехнулся уголками губ.

— Прекрасно пишет Железный Редьярд... Но мне ближе другие его строки:

И восхищаться, и любить,
И видеть мир, что так широк:
Когда б я это смог забыть,
То выжить бы уже не смог!

— Да... Лучше и не скажешь.

Они помолчали. Харрисон посасывал вишневую трубку. Пастер просто смотрел на волны.

— Индермановский табак, — сказал он вдруг. Не спросил, а произнес утвердительно. Тем не менее, молодой человек ошарашенно кивнул:

— Да.

— Вы единственный из всех курите трубку. Почему? Капитан и полковник предпочитают гаванские сигары, помощники травят

себя дрянным черным индийским табаком, лейтенант с супругой — тонкими, но не менее вонючими, пахитосками, не правда ли? А вы курите трубку. Почему?

Эзра замялся.

— Право, затрудняюсь ответить. Понимаете, я начал курить совсем недавно. И трубка, показалось мне...

— Прибавляет солидности, не так ли?

— Да. Пожалуй.

— Я вас понимаю. Положение обязывает.

Молодой человек развел руками:

— Это мой первый рейс в качестве поставщика шерсти. А на партнеров в Капской колонии требовалось произвести хорошее впечатление. Убедить в своей компетентности...

Пастер покивал.

— Не обижайтесь, Бога ради, за этот допрос. Вы кажетесь мне наиболее симпатичной личностью в нашей кают-компании. Просто я получил подтверждение своим мыслям.

Он порывисто повернулся и сделал несколько шагов вдоль ограждения борта, заметно хромя.

— Вы тоже представляетесь мне личностью интересной и неординарной, — не остался в долгу Харрисон.

— Да ну? И чем же именно?

— Все остальные просты и понятны. Молодожены, замечающие только друг друга, Фитц-Рои. Керриган — типичный старый служака, озабоченный в данный момент тем, чтоб доставить дочерей в метрополию и подобрать им там выгодную партию. Охотник Шотбоу... Ну, он охотник и есть. Простоват с виду, но не удивлюсь, если где-нибудь в Эссексе у него имеется замок времен Вильгельма Завоевателя, битком набитый трофеями.

— А капитан с помощниками?

— О'Найл — интересный собеседник, человек, влюбленный в свой пароход... Слышали бы вы, как он произнес: «Шестнадцать узлов и это еще не предел!» Какой гордостью светились его глаза!

— Я думаю, ваша компания знала, кого нанимать.

— О, это старшие компаньоны. Я тут ни при чем.

— Похвальная скромность, молодой человек. А помощники?

— Вудс туповат, второй помощник для него — предел. И эта его вечная простуда, разговаривает, словно нос пальцами зажал. Хэмп слишком стар. Возможно, это его последний рейс. Так что капитану нечего опасаться конкуренции, — с улыбкой закончил Харрисон.

— Как вы лихо разложили всех по полочкам, — француз продолжал неторопливо шагать — три шага туда, три обратно. —

Я вам не мешаю своим мельтешением? Колено, знаете ли, часто болит. Приходится разминать.

— Старая травма?

— Если бы! Новая. Лошадь понесла.

— Сбросила?

— Обижаете, молодой человек, — глаза Пастера сузились. —

Не те кони в Трансваале. О дерево ударила.

— Ясно. Извините.

— Ничего, ничего. Так что вас столь заинтересовало в моей скромной персоне? Попробую удовлетворить ваше любопытство. В разумных пределах, конечно же.

— Вы — человек образованный и незаурядный, стоите среди пассажиров «Суламифи» как бы особняком. Ни с кем не общаетесь.

— Ну, ведь и вас, мистер Харрисон, не слишком сильно тянет хвалить Робертса и Кука вместе с нашими бравыми вояками?

— Верно.

— Да и флиртовать с наследницами Керригана вы не стремитесь, не так ли?

— И тут вы правы. Но, согласитесь, с такой опекой миссис Керриган...

— А как же возможность получить изрядный куш наследства?

— Вы думаете? Лично я в этом не уверен.

— А я не советовал бы вам принимать столь опрометчивые решения. Можете просчитаться.

— Да неужели?

— Время рассудит нас, мистер Харрисон.

— Пусть будет так.

— А чем же еще интересен ваш покорный слуга?

— О! Об этом шепчутся уже неделю. Порции, которые вы относите в свою каюту после каждого приема пищи. Для кого они?

Пастер усмехнулся.

— Для одного моего товарища, чье присутствие в кают-компании не вполне желательно.

— Но почему?

Француз ненадолго замолчал, а потом, резко остановившись, глянул молодому англичанину прямо в лицо:

— Скажите, мистер Харрисон, как бы вы отнеслись к соседству с африканцем за обеденным столом?

— С кафром?!

— Ну почему с кафром? Он матабеле.

— Не понял.

— Чего уж тут непонятного? Насколько я знаю кафрами и у

вас, англичан, и у буров принято называть народ коса. А мой спутник — матабеле. Весьма уважаемый среди своих соплеменников человек, между прочим.

Эзра пожал плечами.

— Признаться, вы меня удивили. Я-то думал: все черные — кафры.

— А вот и не все, — улыбнулся француз. — Вы первый раз в Южной Африке?

— Да.

— И с аборигенами не общались, не так ли?

— Ну...

— Созерцание грузчиков в порту или носильщиков на улицах не в счет.

— Не общался.

— Значит, по вашему, все африканцы — черные, тупые дикари?

— Нет, но...

— Вы играете в шахматы?

— Да...

— Хотите сыграть партию-другую с Нгоной?

— Я, вообще-то, звезд с неба не хватаю. Нгона это ваш...

— Да, это мой товарищ по каюте. Старейшина одного из родов матабеле. Весьма уважаемый человек с цепким практическим складом ума. Так хотите?

Харрисон удивился про себя, а вслух вздохнул и согласился.

* * *

Сидя в уютной, освещенной мягким светом керосиновой лампы комнате за черно-белой шахматной доской, Эзра не мог прийти в себя от ощущения нереальности происходящего. Одетый в просторные холщовые штаны и долгополую рубаху африканец глубоко задумался над очередным ходом, машинально теребя совершенно седое колечко жестких волос на виске.

Представив торгового агента негритянскому старейшине, Пастер немедленно взял с тумбочки пухлый книжный том, уселся в кресло и с головой погрузился в чтение.

Первую партию, в которой традиционно белый начал играть белыми, а черный — черными, Харрисон проиграл на четвертом ходу, пропустив ход ферзя на «эф два».

Во второй партии молодой человек начал осторожно поддерживать предложенное матабеле испанское начало. Потерял коня и заскучал. Подавляющее преимущество фигур Нгоны в

центре и на левом фланге повергало в глубокое уныние, но уязвленная гордость не давала Харрисону закончить игру. Взвесив все «за» и «против», он предложил солидный размен, имеющий целью отыграть пешку, но в этот миг из коридора донесся сдавленный вскрик, а вслед за ним — три громких выстрела. Подряд, почти без перерыва.

Как ужаленный, молодой человек вскочил на ноги, устремляясь к двери. Но сколь он ни был быстр, Пастер оказался в коридоре раньше.

— Огня, живее!

Когда Харрисон, высоко подняв лампу, выбежал из каюты, узкое пространство уже наполнялось людьми.

Из дверей напротив выглядывала чета Фитц-Роев — лейтенант сжимал револьвер, из-за его плеча выглядывала супруга, двумя руками придерживая на груди норовящий распахнуться капот.

— Пропустите, пропустите! — командовал первый помощник, но проталкиваться вперед не торопился.

Вместо него в заканчивающийся тупиком конец коридора решительным шагом проследовал Вудс. Эзра, подсвечивая ему, пристроился рядом.

— Не волнуйся, дорогая, — стремясь придать голосу твердость, успокаивал жену Фитц-Рой.

В самом тупике Пастер, сидя на корточках, склонился над чем-то, показавшимся вначале Харрисону грудой тряпья или небрежно сброшенной шинелью. Десяток секунд понадобилось ему, чтобы понять — перед ним человек. Вернее, мертвый человек, а попросту говоря, труп.

— Стюард, — поднял голову француз.

— Бог мой, как же так? — второй помощник присел рядом. — Бейлс... Как же так?

Эзра перегнулся через головы Пастера и Вудса. Открывшееся зрелище заставило желудок сжаться в тугой комок и двинуться вверх. Стюарт лежал лицом вверх. Правая рука сжата в кулак и закинута за голову, левое плечо опирается на двери каюты Шотбоу. Вместо горла у моряка чернела сплошная, жуткого вида рана.

В настороженной тишине этнограф коснулся пальцем края разорванной плоти.

— Свежая. Кровь еще не запеклась, — пробормотал Вудс.

— Это укус, — не слушая его, громко объявил француз.

За дверью слева охнули и послышался шум падения. Очевидно, полковник с полковничихой подслушивали и у кого-то из них не выдержали нервы. Секундой похоже выяснилось, что в

обморок упала миссис Керриган, поскольку ее супруг, трясущимися руками открыв дверь, ошарашенно произнес:

— Помогите, кто может... Моей жене дурно.

— Постойте, полковник, не до вас, — довольно невежливо откликнулся второй помощник и продолжил, обращаясь уже к Пастеру. — Вы уверены?

— Абсолютно, но давайте спросим нашего охотника.

Словно в ответ на его слова замок каюты Шотбоу щелкнул, и джентльмен возник на пороге. Бледный, но решительный.

— О чем вы хотели спросить меня, господа?

— А кто стрелял? — невпопад ляпнул Харрисон.

— Я, — отозвался охотник. — Через дверь. Надеюсь, это не я его...

— Да нет, — покачал головой Вудс. — А если какая-то пуля и попала, то, скорее всего, уже в труп.

— Слава Богу.

— Скажите, мистер Шотбоу, — Пастер, не поднимаясь, продолжал осматривать труп, — вам случалось видеть кусанные раны? Лев там, леопард...

— Да, — просто ответил охотник. — Не раз. Вы хотите сказать?..

— Да чего там говорить? Поглядите сами, — помощник капитана резко поднялся с корточек, освобождая место у тела.

— Что здесь происходит? — капитан решительно оттер плечом Фитц-Роя.

— Посмотрите сами, сэр, — Вудс сделал шаг назад. — Это Бейлс.

— Он мертв?

— Мертвее не бывает. Этот господин, — кивок в сторону согнутой спины француза. — Этот господин утверждает, что его загрызли.

— Вот как?!

— Могу подтвердить, — Шотбоу выпрямился. — У него действительно вырвано горло. Зубами. Ума не приложу, кто бы мог на пароходе...

Нужно отдать должное капитану О'Найлу — присутствия духа он не утратил ни на мгновение. Хотя в сложившейся ситуации любая, даже самая крепкая, голова могла бы пойти кругом.

— Джентльмены, и вы, миссис Фитц-Рой, прошу вас пройти в кают-компанию. Полковник, надеюсь, вы присоединитесь к нам после того, как поднесете миссис Керриган флакончик нюхательной соли?

— Что? Ах, да, конечно, — губы полковника тряслись, он то оглядывался назад в каюту, то порывался выскочить в людный

коридор и, похоже, безнадежно трусил.

— Так мы вас ждем, — капитан развернулся как на параде и шагнул, не сомневаясь, что все последуют за ним.

* * *

В кают-компании все расселись, как за обедом. Вот только наброшенная второпях одежда и отсутствие семейства Керриганов подчеркивали необычность нынешнего застолья.

О'Найл помолчал немного.

— О теле позаботятся. Я уже дал распоряжения.

— Я не совсем понимаю, мистер О'Найл, для чего мы здесь собрались? — зевнул лейтенант.

— Сейчас я поясню, — капитан сжал кулаки поверх вощенной столешницы. — Произошло убийство. Надеюсь, никто не будет отрицать, что это именно убийство?

— Пожалуй, что так, — застегивая редингот на последнюю пуговицу, холодно заметил Шотбоу. — Весьма проблематично выгрызть самому себе горло.

— А возможность несчастного случая? — повернулся к капитану Харрисон и тут же понял, что сморозил глупость.

— Из вас кто-нибудь везет крупного хищника? — не замедлил отреагировать О'Найл. — Или хотя бы крупную собаку?

Все замолчали, переглядываясь.

— Думаю, выскажу всеобщее мнение, — проговорил охотник. — Если заявлю, что Гагенбеков среди присутствующих нет.

— И я так думаю, — капитан провел пальцем по поверхности стола. — Среди моей команды тоже никто не увлекается хищным зверьем. Да и никаким прочим зверьем тоже. Следовательно, к факту убийства, что само по себе является чрезвычайным положением на вверенном моим заботам судне, прибавляется необычность способа, каким это убийство было произведено.

Тяжелая тишина воцарилась после окончания капитаном этой тирады. Лейтенант поглаживал тонкую руку жены. Пастер вперился взглядом в одному ему ведомую точку на деревянной панели и угрюмо хмурил брови.

— Не помешаю, господа? — в кают-компанию вошел Керриган в мундире, застегнутом на все пуговицы, аккуратно причесанный, о неурочности ситуации говорила лишь небольшая щетина на щеках.

Полковник обошел стол и занял свое обычное место по правую руку от капитана.

— Прошу прощения за задержку, но миссис Керриган... Да и дочери... Я с таким трудом уговорил их остаться пока в каюте. Они чрезвычайно напуганы. Надеюсь, мы не задержимся чересчур долго?

— Я тоже на это надеюсь, полковник, — ноготь капитана попробовал столешницу на прочность. — Итак, джентльмены, и вы, леди, у кого будут какие-либо мысли по поводу произошедшего?

— Для начала я хотел бы уяснить, что делал стюард ночью у входа в мою каюту, — нахмурился охотник. — Понимаете ли, я услышал возню... А сплю я очень чутко — давняя привычка. Спросонку я даже не понял, откуда идут шорохи. И только решил окликнуть, как вдруг — крик, падение... Мне показалось, что мою дверь пытаются высадить... Вот нервы и не выдержали... У меня с собой револьвер системы Смита и Вессона. Им я приканчиваю подраненную добычу.

— Вот уж не думал, что у вас, мистер Шотбоу, столь слабые нервы, — зябко передернув плечами, проговорил Фитц-Рой. — А если бы это был кто-то из нас? Зашел попросить спичек, например.

— В подобных ситуациях воспитанные люди стучат, — сурово сдвинул брови О'Найл. — Поведение мистера Шотбоу, на мой взгляд, вполне оправданно. А вот поведение Бейлса...

— Скажите, капитан, — вмешался Пастер, — этот стюард... Он давно ходит на вашем пароходе? Я имею в виду, вы хорошо знали покойного?

— Хорошо знал? — искренне удивился О'Найл. — На один день больше, господа, чем всех вас. Бейлс нанялся на «Суламифь» в Кейптауне. Понимаете ли, его предшественник был на берегу, прислал записку, что нашел работу, за которую рассчитывает получить немалые деньги, и просит его уволить. При этом он даже не настаивал на жаловании за истекшие две недели. Я был расстроен. Понимаете ли, престижный рейс, большое количество пассажиров, хорошая прибыль компании. Так что Бейлс подвернулся весьма кстати.

— Вы меня успокоили, капитан. Думаю, моя находка не повлияет на репутацию команды «Суламифи», не так ли?

Француз порывистым движением положил на середину стола тоненькую металлическую палочку, загнутую L-образно на одном из концов.

— Что это? — непонимающе уставился на мягко поблескивающий предмет полковник.

— Неужели это... — ошалело прошептал Харрисон.

— Да, это отмычка, — тоном приговора подтвердил его

невысказанное предположение О'Найл. — Черт побери, какой ужас... Простите, миссис Фитц-Рой.

— Можете не извиняться, капитан, — лейтенант прижал ладони к вискам, потом снова опустил их на стол. — Какие к дьяволу извинения, когда на корабле орудует взломщик? Три тысячи...

— Роберт, — супруга дернула его за рукав мундира.

Лейтенант послушно умолк, сверкая глазами.

— Думаю, вашего старого стюарда смело можно считать покойником, — проговорил француз. — Тут кто-то играет по крупному.

— Итак, несчастный стюард оказался вором, — подвел черту капитан. — И пытался ограбить либо полковника Керригана, либо мистера Шотбоу.

Охотник пожал плечами:

— Ума не приложу, что он думал у меня найти? Ружья? Охотничьи трофеи?

— Я хочу сразу отклонить все предположения обо мне, как о цели неудачной кражи, — твердо заявил полковник. — Да, у меня есть небольшой доход от ценных бумаг и надежда на приличный пенсион, но вряд ли вор смог бы воспользоваться и тем, и другим.

— Загадка, — протянул О'Найл.

— Джентльмены, — вмешался Эзра. — А как же способ убийства? Неужели мы забыли об этом?

— Не забыли, — капитан вновь поковырял стол пальцем. — Способ престранный, но попытка кражи у пассажиров на борту «Суламифи», да еще совершенная членом экипажа, гнетет меня куда больше.

— Но ведь, пока убийца разгуливает по пароходу, мы все находимся в опасности! — воскликнул молодой человек.

Пастер кивнул, а Керриган, подавшись в сторону О'Найла выговорил, отчеканивая каждый слог:

— Капитан О'Найл, я требую, чтобы мне и моей семье была обеспечена безопасность в полной мере. Вы слышали меня? В полной мере!

— Да, я слышал вас, полковник. Я отдам подходящие распоряжения помощнику Вудсу, как только он вернется.

Капитан вздохнул, видно было, что слова даются ему тяжело:

— Итак, джентльмены, и вы, леди, поскольку нам совершенно точно известно — крупных хищников — и даже собак — на «Суламифи» нет... Я понимаю, как глупо это может звучать... Я еще раз прошу прощения...

— Да не тяните вы! — возмутился порывистый Фитц-Рой. — Что вы хотите нам поведать? Какие тайны за семью печатями?

— Мне приходится признать, как парадоксально это ни звучало бы, что убийство совершено вервольфом, — быстро выговорил капитан, опуская глаза долу.

— На каком основании вы это утверждаете? — сдержанно осведомился охотник.

— На основании кусаной раны, что подтвердили мсье Пастер, да и вы сами. На основании отсутствия следов, отсутствия на борту не то, что диких, но и домашних зверей.

— Бред какой-то, — поджал губу лейтенант. — Так и до вампиров договориться недолго...

— Напротив, предположение не лишено смысла, — поддержал капитана француз. — Должен заметить, все же, наличие кусаной раны не гарантия участия оборотня.

— Как же так? — удивился Харрисон. — Уж не хотите вы сказать, что...

— Нет, джентльмены, я не пытаюсь намекнуть, что кто-то из вас лично загрыз неудачливого вора. Я пытаюсь напомнить вам историю старшины рыбаков из Дамме. Только и всего.

— В ваших словах есть логика, мсье Пастер, — согласился О'Найл. — Значит, версию об убийце, подделывающемся под зверя, не будем отвергать тоже.

— Итак, окончательная версия — оборотень или ловкач, оборотнем прикидывающийся? — полувопросительно подытожил Харрисон.

— Выходит, так.

— Значит ли это, — холодно проговорил Фитц-Рой. — Что каждый из нас будет подозреваться в убийстве?

— Увы, лейтенант, поскольку убийца не схвачен за руку непосредственно на месте преступления, подозреваемым будет любой, не обеспеченный достаточным алиби, — покачал головой Эзра и, заметив, как все взоры обратились к нему, добавил. — Прошу прощения, в последнее время я настолько увлекся сочинениями сэра Артура Конан Дойла, что невольно почувствовал себя детективом-любителем.

Полковник скривился:

— Возможно, сэр Конан Дойл и мог бы нам помочь...

— А еще лучше — собака Баскервилей, — усмехнулся Пастер.

— Что вы сказали о собаке? — встрепнулся О'Найл.

— Нет, нет, ничего. Это просто название одного из произведений о знаменитом, не знающем поражений сыщике, — поспешил пояснить Эзра.

— В любом случае, мысль об алиби не столь безнадежна, не правда ли? Прошу вас, джентльмены, и вы, леди, объявить, чем вы занимались в момент убийства. Во избежание кривотолков,

начну с себя. Итак, я находился на вахте, что могут засвидетельствовать два матроса. Как только Хэмп явился с известием о чрезвычайной ситуации, я попросил его сменить меня.

— Я уже говорил, что в момент убийства только проснулся, — проговорил охотник. — Если это может служить алиби...

— Вообще-то нет, — покачал головой Эзра. — Но, поскольку труп опирался плечом на вашу дверь, для меня совершенно очевидно, что убийца не вы.

— Спасибо, утешили.

— Не за что.

— А вы сами-то, молодой человек, — сварливо поинтересовался Керриган, — где находились?

— Мистер Харрисон был у меня в гостях, — спокойно ответил Пастер. — Играл с моим спутником в шахматы. Предвосхищая вопрос полковника, скажу: сам я при этом читал книгу. Люблю раннего Эдгара По, знаете ли.

— В шахматы? С кафром? — капитан еще не утратил способности удивляться. — Да вы оригинал, мистер Харрисон! Впрочем, к делу это не относится. Еще на троих алиби имеется.

Фитц-Рои смущенно переглянулись.

— Боюсь, наше алиби не подтвердит никто, — сказал лейтенант, — но готов поклясться честью британского офицера, что каюты мы не покидали.

— Принимается, — совершенно серьезно отозвался О'Найл.

— А мое алиби могут подтвердить жена и обе дочери, — отчеканил полковник. — Надеюсь, этого хватит?

Харрисон, как человек начитанный в области криминалистики, открыл было рот, намереваясь сказать, что близкие родственники алиби не обеспечивают, но промолчал. Чего бы он достиг подобным заявлением? Еще одной клятвы честью британского офицера? И до конца рейса ловить косые взгляды разобиженного полковника? Упаси Боже.

— Хорошо, господа, — резюмировал капитан. — За помощников могу поручиться я. Хотя правую руку на отсечение не дам, но уверен, что они резались в вист друг с другом. Эти двое по авралу не выбегут, не завершив очередного роббера. Выходит, это дело рук одного из матросов. Тем более странно. За исключением Бейлса, все члены экипажа известны мне очень давно и, бесспорно, на хорошем счету. По крайней мере, раньше за ними такого не водилось. Тем не менее, еще раз призываю вас к бдительности и осторожности. Надеюсь, оружие имеется у каждого?

Шотбоу усмехнулся с чувством явного превосходства над остальными.

— Браунинг, — сквозь зубы проговорил Керриган. — И запаса патронов хватит, чтобы продырявить любого вервольфа.

— Смит-и-Вессон, — отрывисто бросил Фитц-Рой.

— Аналогично, — присоединил свой голос Харрисон.

— Револьвер системы Нагана, — задумчиво сказал Пастер. — И вам рекомендую, джентльмены.

Капитан хмыкнул скептически, а Фитц-Рой, напротив, глянул на француза с уважением.

— Итак, джентльмены, и вы, леди, — О'Найл положил обе ладони на столешницу, — не смею вас более задерживать. Спокойной ночи, если это выражение не покажется вам издевательством.

— Позвольте, господа! — уже поднявшись на ноги, остановил всех лейтенант. — А почему никто не задал самый простой и естественный вопрос?

— Какой же? — повернулся к нему Шотбоу.

— Кто из вас верит в оборотней? Я, к примеру, несколько.

Присутствующие, за исключением француза, потупились.

— Я верю в человеческий разум, — твердо выговорил О'Найл. — В дьявольски хитрый и изощренный разум, способный на любое коварство.

— Ну, не могу сказать вот так с ходу, — охотник пожал плечами. — От зулусов и кафров мне доводилось слышать много легенд о колдунах и, в частности, о людях-леопардах. Но раз алиби вашего спутника, мсье Пастер, подтверждается лицом незаинтересованным...

— Благодарю вас, — учтиво склонил голову этнограф. — В свою очередь я могу сказать, что в оборотней верю. Не спрашивайте почему, но верю.

— До сегодняшнего дня не верил, — насупился Керриган. — Но я близко видел труп. Бр-р-р-р! Человек на такое не способен.

— А вы, мистер Харрисон? — капитан посмотрел на молодого человека. — вы верите в вервольфов?

— Не знаю, — честно ответил Эзра. — Одно могу сказать — читать страшные истории о всяческой нечисти и чудовищах приятнее, чем оказаться героем одной из них...

* * *

Завтрак следующего дня прошел в траурном молчании. Роль стюарда исполнял спешно произведенный в эту должность

краснощекий йоркширец Далби.

Первый помощник подтвердил высказанное ночью капитаном предположение о ночной карточной игре. Следовательно, ни Хэмп, ни Вудс быть причастны к убийству не могли.

Покинув кают-компанию, Харрисон заперся в каюте, положил на стол чистый лист бумаги, карандаш и... задумался.

В дверь робко постучали.

На пороге стоял француз-этнограф.

— Не помешал?

— Что вы! Что вы! Заходите. Я тут как раз приступил к поиску ответов на многие загадки вчерашней ночи.

— То есть вы серьезно решили взяться за дело? — усаживаясь в кресло поинтересовался Пастер. — По методу Шерлока Холмса?

Молодой человек смутился.

— Да... Любопытно попробовать свои силы. А вдруг получится?

— Если подходить к делу с ответственностью, то получится обязательно, — в голосе француза не слышалось и намек на насмешку. — Но, коли вы взялись исполнять в нашем деле роль сыщика-любителя, позвольте мне побыть вашим доктором Уотсоном.

— О! Да с удовольствием! Вы не представляете, как порадовали меня своим предложением.

— Неужели? Вот уж не думал, что моя докучливость...

— Напротив, ваша помощь может оказаться неоценимой.

— ?..

— Во-первых, жизненный опыт. Вы старше меня и, я уверен, больше повидали, а, следовательно, не допустите тех просчетов, которые позволительны юнцу.

— Пусть так, хоть я совсем немногим старше. В отцы не гожусь, по крайней мере.

— Во-вторых, существуют области знания, в которых я полный профан. А вы, как мне кажется...

— О, мое, с позволения сказать, образование тоже изобилует досадными пробелами, но, думаю, вдвоем мы справимся, не так ли?

— Справимся! — обрадовался Эзра, хватая карандаш. — Давайте проанализируем ситуацию.

— С точки зрения поиска оборотня или поиска человека, ловко маскирующегося под зверя?

— А разве это не одно и то же?

— Пожалуй, нет.

— То есть?

— Если мы имеем дело с убийцей, который воспользовался

орудием, имитирующим укус челюсти, то нужно искать, прежде всего, причины такого поступка. Как говорится, хочешь найти убийцу, ищи мотив.

— А если это и вправду оборотень?

— Если это стихийный ликантроп, то, боюсь, никакой дедуктивный метод не поможет. Лишь полное медицинское обследование всех пассажиров и всех членов экипажа без исключений. Да и то — вероятность один к двум. Вы не помните, вчера было полнолуние?

— Вот уж не обратил внимания.

— Ничего страшного. Этой ночью посмотрим.

— Позвольте, так вы серьезно насчет оборотня?

— Куда уж серьезнее. Франция, знаете ли, полна легендами об оборотнях, ликантропах, всяческих колдунах, обожающих принимать звериный облик. Взять, к примеру, историю некоего господина Санроша. Это случилось еще при Валуа. Генрихе Третьем, если не ошибаюсь. Некий господин Санрош отправился на охоту... Впрочем, не будем отвлекаться, но приезжайте в Бретань или Нормандию и скажите любому местному крестьянину, что оборотней нет. Он не только высмеет вас, но еще пообещает познакомить с парой-тройкой самых опасных колдунов-оборотников.

— Никогда бы не подумал!

— Англия вообще бедна на подобные сказания. Не знаю, с чем это связано. Но континентальная Европа... О, вы еще не были в Польше либо Пруссии! Кладезь!

— Боже мой, Боже мой... А почему вы назвали ликантропа стихийным?

— Обычно оборотнями становятся не по собственной воле.

— А не обычно?

— Не стоит об этом сейчас. Я хочу все же надеяться, что мы имеем дело с простым случаем болезни.

— Так ликантропия — это болезнь?

— Да. Редкая и практически не излечимая. Думаю, что-то эндокринное.

— Какой ужас!

— Больной теряет контроль над своими эмоциями, чувствами и инстинктами. Становится кровожадным, боится солнечного света...

— Слава Богу, таких на борту «Суламифи» нет, насколько я успел заметить.

— Зато, в таком случае, выявить убийцу было бы проще простого. Вот только можно ли судить и карать больного?

— Ох, мсье Пастер, этическими проблемами предоставим

заниматься судьям.

— Пусть так.

— А если вервольф не стихийный?

— Тогда мы имеем дело с убийцей не менее расчетливым и холодным, чем полковник Моран, не так ли? И вывести его на чистую воду будет ох как сложно! Но если предположить преднамеренного, а не стихийного оборотня, нужно опять же искать мотив. Мотив убийства.

— Тогда... — Молодой человек задумался и вдруг рассмеялся. — Подумать только, я-то думал, что предстоит противодействие: Шерлок Холмс — Огюст Дюпен! А у нас выходит...

— Шерлок Холмс — доктор Уотсон, — широко улыбнулся француз. — Право же, вы не правы, простите за каламбур. Я же упоминал, что люблю раннего Эдгара По. «Вечерняя звезда», например.

Он продекламировал прикрыв глаза:

В разгаре пик лета
И ночи зенит,
Бледные звезды⁷
Смотрят с орбит.
Прислуга блестящей,
Но хладной Луны,
Глядящейся с неба
В сверканье волны...

— А я, признаться, не силен в американской поэзии, — вынужденно произнес Харрисон.

— Зато вы весьма цените Кипплинга, не так ли? И, почти наверняка, Блейка, Китса, Уайльда?

— Вот последнего, как раз, не очень.

— Ну, дело ваше. Я с «Балладой Реддингской тюрьмы» познакомился в подлиннике. Не было ни желания, ни времени ждать переводчиков. Да Бог с ними, с поэтами. Пусть воспевают, кто романтику и «фейные» страны, кто колониальные войны и Томми Аткинса, мы-то здесь не для этого собрались, не так ли?

— Тогда давайте проанализируем поведение стюарда. Начнем с его мотивов.

— Мотивы достаточно прозрачные. По-моему, он пытался пробраться либо в каюту Шотбоу, либо Керриганов.

— А для чего?

— Как для чего? Украсть что-нибудь, — пожал плечами Пастер.

— А что? Что именно? Ведь за табакеркой или даже за тугим портмоне так не полезешь. Ведь он не мог не отдавать себе отчет в риске быть обнаруженным, задержанным...

— Думаю, да.

— А, следовательно, цена успеха была достаточно велика. И перекрывала возможный риск. А, быть может, Бейлс шел на преднамеренное убийство, ради достижения успеха?

Харрисон покачал головой:

— Кто бы мог подумать? Тихий, услужливый...

— Ну, положим, для опытного преступника нет проблем принять любую личину. Не в этом дело. Что он искал? Как вы считаете?

— Даже не знаю, что и ответить... Деньги? Но насколько большую сумму? Золото? Неужели самородки? Я слышал краем уха — в землях бапеди вновь открыто месторождение.

— Мысль интересная. Но, — француз задумался. — Но самородки обычно не возят в саквояже. Что проще — обратить их в деньги непосредственно в Капской колонии и везти домой скромный банковский чек. А вы не слышали об открытиях новых месторождений алмазов? Родезия — страна большая, места хватит многим и многим старателям.

— Вы думаете, алмазы?

— Драгоценные камни — наиболее вероятный груз и наиболее вероятный объект охоты. Мало весят, компактны и обладают огромной стоимостью даже в неограниченном виде.

— Значит, решено! Алмазы!

— Раз мы все равно гадаем на кофейной гуще, — улыбнулся Пастер. — Пусть будет — алмаз. Один, но большой.

— Замечательно! Дело об алмазе раджи!

— Почему раджи? Мы же не из Индии возвращаемся.

— А как будет правитель по-зулусски?

— Правитель — не знаю. Вождь — инкози.

— Значит, алмаз инкози?

— Пусть тогда уж будет алмаз Дингаана.

— А кто это?

— Один из величайших вождей зулусов. Был бы он жив в наши дни, кто знает, чем бы обернулась воинская удача к белым на Кровавой речке?

— Красиво звучит — алмаз Дингаана, — Харрисон несколько раз повторил последние два слова, будто обкатывая их на языке. — Значит, алмаз хранится либо у полковника, либо у Шотбоу.

— Да. И Бейлсу это хорошо было известно.

— Он выждал время. Объект ограбления расслабился и не

ожидал подвоха. Тогда стюард пробрался среди ночи в пассажирскую надстройку. Достал отмычку из кармана и...

— И тут его застукал неизвестный убийца.

— Оборотень.

— Возможно. А может быть, и нет.

— Бейлс пытается защищаться, машет рукой...

— А может, он попросту хотел прикрыть горло?

— Так или иначе, убийцу это не слишком-то задержало. Один укус... Или не один?

— Один, один. Продолжайте, я внимательно слежу за развитием вашей мысли.

— Бейлс падает, ударяется плечом по двери охотника, который поднял пальбу. Убийца скрывается в неизвестном направлении. Все.

— Маловато. Зацепиться не за что. Улик нет вовсе.

— Давайте еще раз, с наибольшим возможным пристрастием, переберем кандидатов в убийцы.

— Что ж, давайте. Мы с вами и Нгона отпадаем сразу, что не может не радовать. Вы обратили внимание, как сник Шотбоу, когда понял, что у моего чернокожего спутника стопроцентное алиби?

— Нет.

— Зря, зря. На это стоило посмотреть. Кстати, о Шотбоу. Он тоже не причастен к произошедшему. По крайней мере, активным образом. Ведь мы еще не решили, в чьих руках алмаз Дингаана.

— Полковник?

— Не думаю.

— Но он был так напуган. Никогда бы не подумал, что боевой офицер...

— Полковника можно понять. Каждый из нас отвечает лишь за самого себя — у него на руках семья. Нет, полковник отпадает.

— Помощники? — Харрисона начал охватывать поистине охотничий азарт. Вот что чувствует ищейка, вставшая на горячий след!

— У них алиби. Вдвоем подобные вещи не делают, а раз так, то и они отпадают.

— Капитан?

— Он стоял вахту. С матросом или даже с двумя, не так ли?

— И, по-вашему, не мог отлучиться минут на десять?

— Почему же? Мог. Очень даже мог.

— Значит О'Найла мы не вычеркиваем?

— Повременим пока. Да и с полковником я, пожалуй, погорячился. Дело может оказаться сложнее, чем я думал, и проще одновременно...

— О чем это вы?

— А? Да нет, ни о чем, — Пастер рассеянно дернул себя за ус. — Пока воздержусь от комментариев. Пока.

— Мы всех перебрали?

— Нет. Мистер и миссис Фитц-Рой.

— Бр-р-р... Так и вижу заголовки бульварных газет: «Чета убийц», «Кровавые супруги» и тому подобное.

— Не думаю. Армейский офицер, джентльмен...

— Думаете, на убийство не пойдет?

— Пойдет, — горько усмехнулся француз. — Ради хорошего куша на преступление пойдет и офицер и джентльмен. Но молодую жену втравливать в темные делишки не станет. Не так ли?

Поразмыслив, Эзра согласился с предположением собеседника.

— Тогда остается экипаж, — сказал он, разглядывая практически чистый лист бумаги.

— И здесь наши дедуктивные умопостроения летят ко всем чертям. Их попросту слишком много.

— Откинем вахтенных, кочегаров, механика...

— Все равно.

— А если подойти с другой стороны?

— С какой именно?

— Стал бы матрос готовить приспособление, имитирующее клыкастую пасть? Как бы он сделал это тайно от товарищей по кубрику? Сундучки у них маленькие, а под матрац «вафельницу с зубами» не спрячешь.

— В таком случае, команду мы можем отбросить сразу и целиком, не так ли?

— К этому я и веду.

— Хорошо. Кто же у нас остался в «черном» списке?

— Полковник, капитан... И все. Полковник и капитан.

— Правильно. Это, если предположить, что убийца — хитрый человек. А если оборотень?

— Тогда полковник, капитан и... вся команда.

— А так же миссис Керриган и обе мисс Керриган.

— Не может быть!

— Почему? Вы думаете, оборотнями становятся только мужчины?

— Не знаю... Точнее, не задумывался никогда.

— Вот и стоит подумать, — Пастер встал, распрямил затекшую спину. — Давайте пока понаблюдаем. Осторожно. Не вмешиваясь и не афишируя своих планов. Согласны?

— Да, пожалуй. Давайте понаблюдаем.

— Думаю, до завтрашнего утра времени хватит?

— До завтра?! — воскликнул Эзра, но быстро взял себя в руки. — Я хотел сказать — конечно, хватит. Значит, завтра, после завтрака.

— Не горячитесь. Как говорили древние — *sestina lente*, — улыбнулся француз.

Попрощался и вышел.

* * *

Весь день Харрисон честно пытался наблюдать если не за О'Найлом, то хотя бы за полковником. Переборов отвращение провел более трех часов в курительной комнате, выслушивая на этот раз рассуждения о дальновидности Китченера в тактике войны с командос, о преимуществах рассыпного строя пехоты перед слитным и мундиров цвета хаки перед привычными красными.

Происшествие, придавшее развитию событий совершенно непредвиденный оборот, случилось перед обедом. Вернее, как показало время, вместо обеда.

Пропустив вперед чету Фитц-Роев, Эзра вошел в кают-компанию и тут же обратил внимание на побагровевшее от едва сдерживаемой ярости лицо капитана.

— Присаживайтесь, леди и джентльмены, — негромко, но с напором произнес О'Найл, обращаясь как к уже присутствующим, так и к перешагнувшему порог вслед за Харрисоном Шотбоу. — Надеюсь, хоть кто-нибудь пояснит мне, что все это значит?

И тут начинающий детектив заметил скомканную и вновь разглаженную бумагу.

— Не разумнее ли будет с вашей стороны, капитан, — вскинул подбородок лейтенант. — Вначале разъяснить нам, что вы держите в руках, и чем провинились мы перед вами?

— Да уж, — поддакнул Керриган. — Что за глупые шутки?

— Глупые шутки? — капитан медленно, но неуклонно приближался к верхней точке кипения. — Ах, глупые шутки? Тогда извольте выслушать содержание этой, с позволения сказать, записки, которую я нашел приколотой... Заметьте, приколотой вилкой, к столешнице. В кают-компании моего парохода! Черт меня дер!

— Возмутительно, — флегматично отозвался Шотбоу. — Но, все же, я попросил бы вас капитан, при дамах...

— К дьяволу приличия! Такого не было ни на одном судне Саутгемптонской компании! Я буду посмешищем для всех,

начиная от капитана порта до самого последнего юнги, лопни мои глаза! Не рейс, а какой-то паноптикум торжествующего идиотизма!

— Я попросил бы, капитан! — Керриган приподнялся, нависая над столом.

— Одну минутку, — поспешил вмешаться Харрисон. — Будьте так любезны, мистер О'Найл, успокойтесь. В конце концов, подрядчиком на этот рейс является моя фирма и у нас есть возможность уладить как материальную, так и моральную сторону возникшей проблемы.

Капитан замолчал, хватая ртом воздух. Справился с дыханием и произнес почти ровно:

— Ну, в таком случае, позвольте зачитать текст записки.

— Давно пора, — пробормотал под нос француз, за что был удостоен свирепого капитанского взгляда.

— Итак. Читаю. Дословно. Читаю вслух...

— Да читайте уже, ради всего святого, — взмолился Эзра.

— Проклятый оборотень. Кем бы ты ни был и где бы ни стремился спрятаться, я найду тебя. Найду и убью. Готовься к смерти, отродье дьявола.

— И все? — приподнял бровь Шотбоу.

— Вам мало? — бросил тяжелый взгляд в его сторону капитан. — Тогда подпись. Седой охотник.

Мгновенно Эзра оглядел собравшихся людей. Редкий венчик пегих волос, обрамляющих лысину Керригана, седые виски Шотбоу и Пастера, наконец, благородную проседь самого капитана. Седой охотник...

— Простите, «Седой охотник» — это имя? — дрожащим голосом спросила миссис Фитц-Рой.

— Это подпись, леди. А имя или не имя... Кто знает? — выговорившись, капитан заметно успокоился.

— Позвольте взглянуть на саму бумагу, — протянул руку Пастер.

— Если вам это чем-то поможет...

Француз взял кончиками пальцев неровно оторванный листок. В правом верхнем углу ясно виднелись четыре отверстия — по числу зубцов вилки.

— Что скажете, мсье Пастер? — не дыша, Харрисон наблюдал за своим старшим товарищем.

Тот внимательно оглядел листок. Зачем-то понюхал его.

— Что вы, в самом деле, тут устраиваете? — возмутился полковник. — Что за цирк? Вы бы еще откусили кусочек!

— Боюсь, это гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд, — убитым голосом произнес этнограф. — И

смертью Бейлса дело, в таком случае, не ограничится.

Супруга лейтенанта что-то прошептала на ухо мужу. Фитц-Рой встал:

— Прошу прощения, но мы вынуждены вас покинуть. Моей жене дурно. Скорее всего, приступ морской болезни.

Удалявшуюся чету проводили взглядами.

— Странно, — сказал полковник. — Раньше миссис Фитц-Рой не жаловалась на качку.

— Думаю, дело не в качке, Джеймс, — возразила миссис Керриган. — А в ужасных словах, прочитанных капитаном О'Найлом. Я сама вне себя от возмущения... Проводи нас с дочерьми в каюту.

— Но, дорогая...

— Немедленно!

— Да, конечно...

Семейство Керриганов удалилось вслед за Фитц-Роями.

— Ну, и что вы обо всем этом думаете, джентльмены? — капитан мрачно уставился в изуродованную, впрочем, на взгляд Харрисона вовсе даже поправимо, столешницу.

— Идиотский розыгрыш, — заявил Шотбоу, гордо развернув плечи.

— Дорого я бы дал за то, чтоб это действительно был розыгрыш. Пусть даже и идиотский, — удрученно произнес Пастер.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что я могу сказать? Я лишь призываю к осторожности. Без необходимости кают лучше не покидать. Оружие носите с собой, — француз старался говорить уверенно, но почему-то казалось, что он сам не слишком-то верит в свои слова.

— И вы даже не предполагаете, из-под чьего пера вышла треклятая записка?

— Если бы... Если бы я знал, как бы все упростилось... Сличение почерков ничего не даст, капитан. Текст написан печатными буквами, наверняка левой рукой. Простите меня... Я должен о многом поразмыслить.

Пастер поднялся и растерянно направился к выходу.

— Одну минуточку, мсье Пастер, — Харрисон поспешил за ним вдогонку. — Пара слов...

— В вашей комнате, если не возражаете. Не хочу, чтобы Нгона прознал о записке, — отрывисто бросил француз в коридоре.

— Как вам будет угодно!

В каюте Эзра тщательно запер дверь, для чего-то выглянул в круглое окошко иллюминатора.

— Простите ради Бога, мсье Пастер, — начал он осторожно. — Но мне показалось, что записка произвела на вас более сильное впечатление, чем на прочих. Если не брать во внимание наших нервических дам. Почему?

Француз вздохнул. Тяжело и глубоко.

— А не все ли равно? — сказал он в никуда после некоторого раздумья. — Рано или поздно... Присаживайтесь, молодой человек. Мой рассказ может показаться вам весьма невероятным.

Харрисон послушно сел. Пастер разместился в кресле напротив.

— Дело в том, что я действительно знаю имя Седого Охотника. К сожалению или к счастью, только имя.

— Кто он?

— Охотник. Но не на слонов, львов и антилоп, как наш Шотбоу. Он охотник на оборотней.

— Так они реально существуют?

— Оборотни или охотники?

— Ну, — смутился молодой человек. — И те, и другие.

— Да. Оборотни существуют. Приходится признать этот факт. Кому-то он может не нравиться, кто-то останется безразличным, а кто-то решает выправить божий промысел на свой манер. К их числу и относятся охотники на оборотней. Почему-то считается, что верврольфы, вербэры, кицуне и прочие оборотни — порождения дьявола.

— А разве нет?

— Вот видите. И вы, человек мыслящий, начитанный и образованный, допускаете ту же ошибку, не так ли? Оборотни, прежде всего, люди. Отличающиеся от обычных только способностью изредка надевать звериное обличье. Слабые, стихийные, так сказать, — вне зависимости от желания, подчиняясь фазам Луны. Более сильные — по собственной воле. Искать в них сатанинское начало — это то же самое, что обвинять в служении Сатане людей, одаренных музыкальным слухом в большей мере, нежели иные, или более других пригодных к физическим упражнениям.

— Но я своими глазами видел разорванное горло Бейлса. Музыкант такого не совершит. А оборотень...

— Что ж, это случается. Так же, как и среди обычных, не выделяющихся особыми способностями людей, встречаются вспыльчивые, жестокие, а то и обладающие откровенно уголовными наклонностями личности, так и отдельные оборотни вступают на тропу насилия. Бывает, находят в убийстве и вкусе крови особое, жестокое удовлетворение. Чаще всего это случается со слабыми, душевно ранимыми типами людей. Именно таким

образом они мстят, по своему разумению, остальному миру. Миру, которые выталкивает их. Противопоставляет их себе мифами, легендами, общественной моралью, наконец...

— Откуда вы... Откуда у вас такие сведения? Неужели...

— Все по порядку, молодой человек. Все по порядку. Антиобщественное поведение отдельных индивидуумов оборотней прежде всего вредит самим оборотням. Настраивает против них общественное и церковное сознание. Порождает тот нелепый ореол ужаса, окружающий само понятие оборотничества. Часто люди склонны приписывать оборотням ту кровавую жатву, которую собирают хищники-людоеды. Самый простой пример — зверь из Жеводана. Или, скажем, тигр-людоед из Уттар-Прадеш. А сколько пользы могли бы принести люди, способные обращаться зверями, птицами...

— Что и птицами?

— А почему бы и нет? Кто когда проверял? Ведь проще раз и навсегда размежевать общество, противопоставить оборотней и обычных людей, заставить ненавидеть друг друга, всячески развивая образ врага. И уничтожать несчастных, и без того чувствующих себя обиженными, отторгнутыми, чужими. Именно этим и занимается орден Охотников. Это очень древнее тайное сообщество. Старше духовных и духовно-рыцарских орденов. Корни его уходят в дохристианскую эпоху. Со своей системой ритуалов, своими архивами, не знающими равных по количеству раритетов, со своей инициацией новичков и последующим обучением молодых охотников. Они прикрываются громкими фразами об очищении мира от порождений дьявола, но при этом используют столь кровавые методы, столь изощренно-жестокие, что зло, приносимое оборотнями, выглядит на их фоне невинными детскими шалостями. Если бы я мог открыть вам хотя бы некоторые образчики их «богоугодной» деятельности, вы бы ужаснулись, я не сомневаюсь. Но это не моя тайна.

— И Седой Охотник один из...

— Да. Он тоже принадлежит к ордену Охотников. Я много слышал об этом человеке, но хорошего — никогда.

— Боже, — прошептал Эзра. — Право слово, я чувствую себя, как в странном и страшном сне.

— «Бывают странные сны, но наяву страннее», как сказал один великий драматург моей родины, нашедший смерть от толпы безумных фанатиков.

— Никогда о таком не слышал.

— Услышите. Какие ваши годы? — горько усмехнулся Пастер. Лицо его осунулось, черты лица заострились, словно одной ногой этнограф уже стоял в могиле.

— Позвольте! А откуда вы все это знаете? Ну, я имею в виду все то, что вы мне только что рассказали.

Пастер нахмурился, но тут же его лоб разгладился и, махнув рукой, он воскликнул:

— А, семь бед — один ответ. Слушайте.

Его светло-карие, почти желтые глаза притягивали взгляд собеседника, завораживая, словно удав кролика.

— В американских соединенных штатах существует, как вы знаете, тайная организация Ку-клукс-клан из числа не смирившихся с поражением в Гражданской войне рабовладельцев-южан. Но существует там и движение аболиционистов, которое видит своей целью не только освобождение чернокожих американцев от унижения рабства, но и уравнивание их в правах с белым населением. Я начал издавека, но, надеюсь, привел показательный и понятный пример. Да, существует орден Охотников, уничтожающий оборотней везде, куда способен дотянуться своей кровавой ручищей. Но существует и другое сообщество, стремящееся помогать оборотням, особенно молодым, неопытным или спонтанным, в особенности спонтанным, находить свое место в обществе, способствующее их социальной адаптации. Вы представить себе не можете, сколь силен может быть шок у юноши или девушки, которые ощутили внезапно способность надевать волчью, песью или, скажем, кошачью шкуру. Чтобы представить, через это нужно пройти. Или наблюдать страдания близкого друга, родного человека, любимого, в конце концов. И насколько может снизить, смягчить нравственные мучения опытный наставник, учитель и советчик, вовремя оказавшийся рядом. Для этого и существует общество наследников Протея. Если вы помните, был такой бог в Древней Греции. Из низших, не чета Аполлону с Зевсом, но прославленный в мифах любовью к изменениям внешности...

— И вы член этого общества?

— Логичный вывод после всего, что я тут понарасказывал, — одними уголками губ улыбнулся француз. — Ну, конечно же.

— И вы здесь для того, чтобы найти и перевоспитать того оборотня, что убил Бейлса?

— Нет, молодой человек, — Пастер вздохнул. — Я здесь для того, чтобы прибыть в Саутгемптон после долгого и утомительного путешествия по Африке. Оттуда на материк и... Словом, в этих событиях я замешан случайно. Так же, как и вы, и большинство присутствующих на борту «Суламифи» людей. Думаю, и Седой Охотник не искал встречи с оборотнем именно здесь. Просто он догадался обо всем едва ли не раньше меня и

принялся действовать так, как подсказывает его извращенное чувство долга перед обществом.

Харрисон покачал головой.

— Сказать, что вы меня шокировали своим рассказом — это ничего не сказать. Я потрясен. Мысли мои скачут, как табун обезумевших коней. Чью сторону я должен принять? Вы мне глубоко симпатичны, идеи вашего общества свежи и проникнуты гуманизмом, но весь опыт не только моей прожитой допрежде этого рейса жизни, но и жизней поколений моих предков, наследственная память веков, восстает против обеления и защиты кровожадного вервольфа. Да еще и убившего едва ли не на моих глазах невинного человека.

— Покаравшего преступника и потенциального убийцу, как вы сами недавно признавали.

— Все равно. Пусть Бейлс был взломщиком, но простым и понятным с человеческой точки зрения. Понять психологию оборотня...

— Понять значит простить. Пока вы к этому не готовы.

— Вы правы, я к этому не готов. Слишком сильна ненависть ко всякому порождению ночи. Неконтролируемая, атавистическая ненависть, что ли?

— Это ничего... «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Эти слова написал еще один поэт, тоже ныне покойный. Не переживайте так и не принимайте происходящее слишком уж близко к сердцу. Почему вы должны становиться на чью-то сторону. Для чего вообще становиться на чью-либо сторону? Эта извечная традиция человека раскрашивать мир двумя красками — черной и белой. Разделять человечество на своих и врагов. Кто не с нами, тот против нас, не так ли? К чему? Живите. Просто живите. Вы, к своему счастью, не оборотень, хотя Седого Охотника такая малость может и не остановить, если вы вдруг окажетесь между ним и его добычей. Так что постарайтесь не расставаться с револьвером. А мне пора.

— А как же... Я хочу сказать... Ведь мы собирались расследовать это дело — дело об алмазе Дингаана — как Шерлок Холмс и доктор Уотсон, — пролепетал Харрисон, не осознавая даже, насколько по-детски звучат его слова.

— Простите меня, мистер Холмс, — без сарказма, скорее с легкой грустью произнес Пастер. — Боюсь, вам придется теперь обходиться без помощи доктора Уотсона. Вычислить Седого — для меня важнее. Но, если вдруг догадаетесь, кто же из пассажиров оборотень, дайте знать, пожалуйста. Опередив Охотника, мы спасем человеческую жизнь. И, возможно, не одну.

Француз направился к выходу.

— Одну минутку, мсье Пастер, — умоляюще проговорил Эзра. — А каким образом охотники, да и вы, наследники Протея, узнаете оборотней?

Этнограф развел руками:

— Только по поступкам. Никаких «шестых» чувств, магнетизмов там всяких, подсознательного чутья и видения ауры. Только по делам. Иногда из архивов. Зачастую способность к оборотничеству наследственная. Неужели вы думаете, что я бы не воспользовался шансом, если бы он у меня был?

— Еще один вопрос. Последний.

— Давайте. Любопытство не порок.

— А вы сами, мсье Пастер, вы сами... Вы...

— Ну, смелее! Хотите спросить — оборотень ли я?

— Да!

— А вот тут покорнейше прошу меня простить — не моя тайна. Не скажу. До завтра, мистер Харрисон. Счастливой охоты, как говаривали киплингские герои.

* * *

Ночью Харрисону не спалось.

Помимо воли мысли возвращались к очередной попытке найти решение задачи со многими неизвестными.

Кто оборотень? Кто Седой Охотник?

Как логично расставить всех на подходящие позиции?

Шотбоу?

Оборотнем он быть не может. Это уже оговорено и возвращаться к рассуждениям нет резонов. Охотником? Вполне. У трупа Бейлса он держался хладнокровно. Везет с собой изрядный арсенал. И, возможно, неизвестное сокровище. Прибить записку к столу мог, и при желании не один раз.

Керриган?

Оборотень? Вряд ли. Хотя, чем черт не шутит? Уж очень не в себе он был в ночь убийства стюарда. Или кто-то из его семьи? Пастер что-то говорил о юношах и девушках, испытывающих нервный срыв, осознав себя оборотнем. Может, кто-то из дочерей полковника? Тогда объяснимо и его волнение вчерашней ночью, и решительный уход миссис Керриган из кают-компания сегодня. Но в таком случае никто из них быть охотником не может.

Фитц-Рои?

Пастер не верит, что кто-то из них вервольф. А основания? Слово офицера, данное лейтенантом? Почему они тогда ретировались, едва услышав содержание записки Охотника? А

если предположить, что Роберт Фитц-Рой — оборотень? А его жена боится стать вдовой. Отсюда недомогание, уход из кают-компаний. Эту версию стоит проработать.

Капитан О'Найл?

В момент убийства Бейлса стоял на вахте. Отлучиться и прирезать стюарда он, конечно, мог. Но отлучиться, превратиться в волка, загрызть, а потом превратиться обратно, пожалуй, нет. Значит, капитан — не оборотень. Но, быть может, он Седой Охотник? Тогда он вдобавок и великолепный актер. Так искренне возмущаться покалеченным столом, ударом по безупречной репутации судоводителя... Причем, ранее актерского таланта за О'Найлом не наблюдалось. Вывод: капитан чист. И первое, и второе обвинение к нему неприменимы.

Хэмп и Вудс?

Ни один из них не оборотень — это ясно. Алиби неопровержимо. А как насчет охотника? Перед обедом Вудс находился в курительной. Вместе с полковником, лейтенантом и его женой. Харрисон знал это совершенно точно, поскольку присутствовал там же, выполняя свой замысел по наблюдению за пассажирами. Следовательно, приколоть записку он не мог. А Хэмп? Перед самым обедом сменил с вахты капитана. Оставить послание мог. А быть безжалостным убийцей-охотником? Не очень-то похоже. Слишком стар. Не дряхлый старец, ясное дело, но и не в том возрасте, чтобы чувствовать силы справиться с мощным, подвижным и смертельно опасным хищником.

Молодой человек расчертил лист вертикально на две колонки. Левую подписал — «ОБОРОТЕНЬ», правую — «ОХОТНИК». Тщательно взвешивая все «за» и «против» вписал результаты логических вычислений.

Слева получилось:

1. Керриган и семья.
2. Фитц-Рой и жена.

Справа:

1. Шотбоу.
2. Хэмп.

Подумал и дописал в обе колонки О'Найла.

Еще подумал и вычеркнул.

Опять задумался.

Плеск волн в обшивку судна оторвал его от раздумий.

Харрисон подошел и отворил иллюминатор, чтобы глотнуть толику свежего воздуха. Подниматься на палубу в одиночку как-

то не хотелось. Даже несмотря на оттягивающий полу пиджака револьвер.

Яркий свет луны играл и бликовал в мельтешении низких волн. Атлантика штилевала. «Откуда взяться морской болезнью?» — снова припомнилась отговорка Фитц-Роя. Следующая мысль: «А мы так и не поглядели — полная ли Луна?» К сожалению, ночная хозяйка светила в противоположный борт, но обилие сияющих лучей давало повод предположить если не полнолуние, то близость фазы к нему.

Вдруг Эзра похолодел.

Над четко очерченной тенью фальшборта возник черный силуэт остроухой головы. Зверь, стоя на задних лапах, любовался морским пейзажем. Волк или немецкая овчарка? Впрочем, какая овчарка на пароходе? Конечно же волк. Оборотень не только не испугался предупреждения, но, кажется, поднял брошенную Седым Охотником перчатку, принимая бой.

* * *

Десятый день путешествия омрачился сразу двумя весьма неприятными событиями.

Во-первых, ветер южный сменился на северо-восточный и усилился до шести баллов по шкале Бофорта, заставляя волны натужно ударять «Суламифь» в правую скулу. Конечно, еще не шторм, но удовольствия от еды почти никто не получил. Застилавшая теперь стол белая скатерть к концу завтрака вся покрылась размытыми пятнами, как шкура снежного барса.

Во-вторых, супружеская пара Фитц-Роев, вернувшись в каюту из курительной, обнаружила следы полнейшего и беспощадного разгрома. Миссис Фитц-Рой не замедлила упасть в обморок, а побледневший до полутрупного состояния лейтенант бездумно принимал, стоя в коридоре, извинения капитана.

Поскольку Пастера несчастье молодых британцев не заинтересовало и он заперся у себя, Харрисон рискнул в одиночку попытаться поискать следы преступления в изуродованной каюте. Он их нашел, даже с избытком. Вспоротые саквояжи, изувеченные предметы гардероба, сломанная мебель. Но только на кого возложить вину за содеянное Эзра не знал.

— Кто бы это ни сделал, старался не шуметь. Видите, орудовали в основном ножом. Мебель не били об пол, — пробормотал Хэмп — первый помощник — и круто развернулся. — Не знаю как вы, молодой человек, а я собираюсь остаток дня провести в компании с бутылкой бренди. Не нравится

мне все это.

— Простите, кажется, я не вполне понял... — промямлил Эзра.

— А что тут не понять? — вскинул косматые седые брови, оглядываясь через плечо, старый моряк. — В лучшем случае — уполовиню. В худшем — приговорю совсем... И вам советую.

Под укоризненным взглядом потерявшего на время дар речи О'Найла он прошел к своей каюте. Щелкнул замок запираемой двери.

— А ведь он не так уж и неправ, — заметил Шотбоу. — До встречи.

Капитан, сжимая кулаки, проклинал неудачный рейс, оборотней, охотников, погоду, компанию, политику премьера и прочее, прочее, прочее...

— Вряд ли я чем-то смогу существенно помочь вам, мистер Фитц-Рой, — обратился Харрисон к лейтенанту. — Но хотя бы самую малость... Почему бы вам не перебраться с супругой в мою каюту? Пока приводят в порядок вашу, я мог бы переночевать и в курительной, в кресле.

— Спасибо, мистер Харрисон, — просветлел военный, но тут вмешался капитан:

— И думать не смейте. Вы переберетесь в каюту помощника Вудса. Причем, до конца рейса. Надеюсь, вы не останетесь в претензии.

Лейтенант сдержанно поблагодарил, а Харрисон вновь вернулся к логическим построениям и выкладкам.

Что могло означать новое событие? Чей изощренный разум выносил и воплотил его? Кому выгоден погром у Фитц-Роев? Оборотню или охотнику?

Из-за переборки доносился негромкий шум — это лейтенант с супругой обустроивались на новом месте. Их каюта теперь располагалась точнехонько между каютами Харрисона и Шотбоу. Спроста ли?

* * *

За обедом пассажиры и судоводители собрались в изрядно поредевшем составе. Второй помощник отсутствовал по уважительной причине — вахта. На вопрос о Хэмпс капитан махнул рукой: «Пьет!» Миссис Фитц-Рой, по словам лейтенанта, слегла в постель от пережитого. Зеленый от морской болезни полковник бросал взгляды исподлобья на сохранявших бодрость мужчин. Его семья лежала вповалку, пообещав пропустить еще и

завтрашний обед с чаем вместе.

«Кто же из них оборотень? — лихорадочно перебирал варианты Харрисон. — Кто охотник? Чьи руки, если можно так выразиться о звере, обагрены кровью вора-стюарда? Кто замышляет убить, сообразуясь со своими понятиями о справедливости? Кто? Керриган? Шотбоу? Фитц-Рой? О'Найл? Хэпм? Вудс? Почему устранился от расследования Пастер?» Молодой человек чувствовал, что начинает сходить с ума. Еще немного, и он сам признается в убийстве. Просто так. Чтобы безывестность ушла в прошлое, как страшный сон. Или обвинит первого попавшегося. Того же этнографа, к примеру, или, как там его, Нгону?

Истощенный визг, проникший через плотную дверь, прервал ход его мыслей.

В одно мгновение все оказались на ногах, но из кают-компании первым вырвался Пастер. В дальнем торце коридора, выпучив от ужаса глаза, пронзительно кричала полковничиха, а в двух шагах от нее, в расплывающейся кровавой луже неестественно запрокинула голову... Кто же? Лимонный капот, расписанный белыми лилиями, сомнений не оставлял — новой жертвой оказалась миссис Фитц-Рой.

Пастер и лейтенант бросились к телу.

Керриган неловко подхватил супругу, которая, увидев, что помощь подоспела, начала медленно сползать по стене.

— Черт бы меня совсем побрал! — капитан схватился за голову. — Ну почему на моем пароходе?!

Харрисон издали взглянул на труп молодой женщины. Не самое приятное зрелище. Голова ее оказалась запрокинута из-за глубокого, почти до позвонков, разреза на горле. Под левой грудью слабо кровоточил узкий — дюйма полтора в ширину — порез.

Пастер выпрямился. Глядя невидящими глазами прямо перед собой, пробормотал вполголоса:

— Кто бы мог подумать? А я, дурак, грешил на дочерей полковника...

— Вы хотите сказать?.. — Эзра придвинулся вплотную, чтобы никто не услышал ответа, которого он ждал.

— Все сказано вместо меня. А я не успел, — плечи француза поникли. — Но я найду тебя, Седой. Слышишь, найду...

Эти слова, произнесенные шепотом, почему-то показались Харрисону громче рева Иерихонской трубы.

— Вы слышите запах? — узкая ладонь этнографа легла на его манжету.

Молодой человек посильнее втянул ноздрями воздух. Что-то

есть. Неуловимо знакомое. Но что?

В эту секунду Фитц-Рой с короточек, не вставая, прыгнул на переминающегося рядом Шотбоу. От неожиданности охотник пошатнулся и тяжело рухнул навзничь, неловко стараясь разжать сомкнувшиеся на горле цепкие пальцы лейтенанта.

— Ты! — не замечая выступившую в уголках губ пену, орал офицер. — Это ты! Ты все знал заранее и принял меры! Охотник! Убийца! Задушу! Загрызу!

Он оскалился и на самом деле потянулся зубами к кадыку задыхающегося противника.

«И этот тоже?» — с ужасом подумал Харрисон.

— Немедленно прекратить! — воскликнул капитан, но слова его пропали втуне.

Француз широко шагнул вперед, левой ладонью захватил подбородок Фитц-Роя и рванул его вверх-назад, а ребром правой нанес сильный удар по запястьям судорожно стиснутых рук. И ему удалось. Шотбоу с проворством гигантского краба, не замечая, что марают брюки разлитой повсюду кровью, отполз назад, сипло втягивая воздух помятой гортанью.

— Убью! — лейтенант ужом рванулся из рук Пастера, но этнограф оказался ловчее. Совершенно неуважительным тычком пониже спины он уронил офицера лицом на ковровую дорожку и неуловимым движением оседлал, связав правое предплечье Фитц-Роя не руками, а ногой.

«Где такому учат? Джиу-джитсу, что ли?»

— Помогите же мне кто-нибудь, — сдавленным голосом, отчего его акцент проявлялся еще сильнее, проговорил француз. — Он же покалечит себя.

И правда, несмотря на жесткий захват, лейтенант поднимался, отталкиваясь от пола свободной рукой. Ярость и ненависть затмили боль начавшего трещать сустава.

— Одну минутку, — отстранив Харрисона и аккуратно, чтобы не замочить туфли в крови, перешагнув лужу, О'Найл расчетливо стукнул рукоятью плоского пистолета, кажется браунинга, по темени Фитц-Роя. Лейтенант обмяк и уткнулся носом в ковер.

— Нужен плотный плед и веревка, — хладнокровно проговорил капитан и только потом развел руками. — Джентльмены, я ничего не понимаю. Кто-нибудь может объяснить, что творится на моем пароходе?

— Расспросите этого типа, когда он придет в себя, — Пастер поднялся, отряхивая брюки. — Думаю, он такой же лейтенант, как я адвокат, но способен рассказать много интересного, не так ли? Если не утратит рассудок, конечно же. Или вот мистер Шотбоу, например. Скажите-ка, мистер Шотбоу, что вы везете?

Чертежи подводной лодки? Секрет абсолютного топлива? Алмазы?

— Откуда? Откуда вы узнали? — растирая горло, воскликнул охотник.

— Что узнали? — подался к нему корпусом француз. — Про подводную лодку или про алмазы?

— Какая к черту лодка? Что вы несете? Алмаз!

— Алмаз Дингаана? — ляпнул ни с того, ни с сего Харрисон.

— Какого к дьяволу Дингаана?! — ошалело вытаращил глаза Шотбоу. — Мой! Собственный!

— Значит, все-таки алмаз! — в восторге воскликнул Эзра.

— А что — это запрещено?

— Если алмазы добыты законным путем, нет, — веско произнес Пастер.

— Какое вы право имеете меня судить?

— Никакого. Кроме морального. Из-за вашего алмаза погибло уже двое. И, боюсь, скорбный счет не окончен.

Француз, не глядя в сторону охотника, словно он интересовал его не больше резной деревянной панели, повернулся и скрылся в своей комнате.

— На вашем месте, мистер Шотбоу, — голос капитана звучал ровно и почти спокойно. — Я бы сменил одежду, умылся и выпил стаканчик бренди для улучшения общего самочувствия. Сейчас сюда придут матросы.

Шотбоу кивнул, с трудом поднялся на ноги и побрел по коридору.

— Моя помощь нужна? — обратился Харрисон к О'Найлу.

— Нет, благодарю вас.

— Тогда и я пошел.

Молодому человеку не терпелось остаться наедине со своими мыслями, чтобы еще раз проверить внезапно возникшую догадку.

Запах бренди!

Каким же ослом нужно быть, чтобы сообразить с самого начала. Вот что имел в виду Пастер!

Заперши дверь, Харрисон бросился к исчерканному листку.

Левая колонка — *оборотень*:

1. Керриган и семья — вычеркиваем...

2. Фитц-Рой и жена — тоже, в принципе, можно вычеркнуть.

Что ж, можно порадоваться — попадание пятьдесят процентов. Хотя, какое там... Уж чего-чего, а радости молодой человек не испытывал, вспоминая обескровленное лицо, измаранный алыми пятнами капот и беззащитно поджатую узкую ступню убитой.

Правая колонка — *охотник*:

1. Шотбою — жирный росчерк карандаша.

2. Хэпм — вот он!

Все улики сходятся. До мелочей, до последнего штриха.

Так, еще раз. Все с самого начала.

Убитого Бейлса первый помощник видел мельком и тут же ушел сменить капитана. Хороший повод. Что ж, Седой — опытейший охотник за оборотнями, если верить французу. Одного взгляда на рану для него достаточно. Он понял, что на «Суламифи» вервольф, и начал поиск. Записку написал нарочно для того, чтобы проверить реакцию оборотня и оказать психологическое давление, заставить совершить неосторожный поступок, раскрыться. Каким-то образом Хэмпу удалось выйти на чету Фитц-Роев. Дело, по правде говоря, не хитрое, если Харрисон сам пришел к почти такому же результату. Потом учинил погром в их каюте. Для чего? Очевидно, искал решающие доказательства. Кроме того, наверняка ему нужно было знать: кто же убил стюарда — лейтенант или его жена. А когда узнал, притворился напуганным пьянчужой — отводил глаза окружающим и готовил последнее и окончательное алиби, а потом нанес удар. Как черная мамба, подкарауливающая неосторожную пичугу в ветвях акации.

Ай да Хэмп! Ай да немощный старик!

Единственного он не учел — вонь дешевого бренди быстро не выветрится. Какая мелочь, а разрушила всю игру Охотника, с головой выдав тщательно подготовленный план.

Оставалось решить одно — как же теперь следует поступить?

С одной стороны, щемящей жалости к вервольфу Эзра не испытывал. Больше того, если бы оборотнем оказался любой из мужчин, а не молодая симпатичная женщина, в душе Харрисона не возникло бы и тени сочувствия.

Но, с другой стороны, Хэмп не имел права брать на себя обязанности и следователя, и судьи, и палача. Преступник может и должен быть изобличен, но выносить решение о виновности и определять меру наказания имеет только суд. Сыщик, решивший покарать преступника самостоятельно, сам преступает закон.

Интересно, что думает по этому поводу Пастер?

Спросить бы, к такому же выводу пришел француз или нет?

Подняв голову, молодой человек неожиданно обнаружил, что стемнело. Сумерки в тропиках скоротечны, а «Суламифь» приближалась к экватору.

Харрисон костяшками пальцев постучал в двери Пастера.

Тишина.

Нет его, что ли?

Тогда где же кафр? Тьфу ты, матабеле.

— Кто там? — ужасающий говор африканца не перепутать ни с чем.

— Мне нужен мсье Пастер. Я — Харрисон. Мы играли с вами в шахматы.

— Я узнал вас, инкози Харрис, — с достоинством отвечал Нгона.

— Где Пастер? Мне нужно с ним поговорить.

— Инкози Ник ушел.

— Давно?

— Только стемнело.

— Дьявол! — не сдержался Эзра. — Ведь он к нему пошел!

— К кому?

— К Седому Охотнику.

Нгона замолчал, а потом вдруг жалобно попросил:

— Откройте дверь, инкози Харрис.

— Но у меня нет ключа.

— Сломайте, инкози. Это очень плохо. Седой убьет его. Я должен помочь...

Но Эзра уже не слушал. Быстрым шагом он выбежал на верхнюю палубу, на ходу нащупывая в кармане вселяющую уверенность тяжесть от господ Смита и Вессона.

Свежий ветер завывал в стоячем такелаже, глубоко во чреве парохода рокотала машина. Кроме опознавательных огней, свет горел только на мостике, но идти туда не имело смысла.

Искать нужно в темноте.

Крадучись, пригибаясь, чтобы не быть обнаруженным до срока, Харрисон пошел вдоль левого борта на бак. Чутье не подвело — неподалеку от брашпиля на расстоянии трех шагов друг от друга застыли две фигуры.

— Я обвиняю тебя, Седой Охотник, — слышался негромкий, звенящий от напряжения голос Пастера.

— В чем же, исчезае ада? — отвечал второй голос — глухой и простуженный.

Вудс? Как же так? А где же Хэмп?

— В смерти Эмилии Фитц-Рой...

— Я лишь карающая десница Господа Бога нашего.

— Не судите и не судимы будете, — парировал француз и вдруг добавил несколько слов, закрученных в витиеватую тираду, на незнакомом Харрисону языке. По интонации похоже — ругательств.

— Злобствуй, ехидна. Сегодня я вырву тебе клыки.

— Я обвиняю тебя, Седой, в смерти Кристо Прокопулоса и его восьми детей, в смерти дона Дьего Толедского — одного из старейших членов нашего общества, в гибели полутора сотен

китайцев — помнишь ту джонку, — сто сорок восемь из которых не были лисами, а сожженную индусскую деревню в Бирехи-Ганга ты не забыл?.. Впрочем, достаточно. Мне больно продолжать. На твоём счету больше тысячи человеческих жизней.

— Человеческих! — хмыкнул Вудс. — Ты смешон и жалок.

Пастер, не отвечая, расстегнул и бросил на палубу пиджак.

— Хочешь принять смерть в звериной ипостаси, выродец племени людского?

— Мне нет нужды в этом, зверь, — француз повел плечами, разминаясь. — Ты больше зверь, чем все оборотни мира.

В этот миг Вудс нанес удар. Где он прятал клинок? Узкое лезвие, длиной дюймов пятнадцать, устремилось к горлу Пастера со скоростью, немыслимой для нормального человека. Но оборотень гибко качнулся вправо, уходя от стали, и атаковал сам, целя каблуком в колено охотника. Вудс легко подпрыгнул фута на четыре, оттолкнулся ногой от турачка брашпиля и оказался за спиной противника, вспарывая воздух кинжалом. Уворачиваясь, Пастер практически коснулся затылком досок палубы, вскочил, поднырнул под свистящее оружие, норовя навязать ближний бой, но травма колена не позволила ему двигаться с должной скоростью. Охотник с легкостью увеличил дистанцию, успев лягнуть француза в лодыжку, длинным выпадом ударил в горло. Только звериная реакция спасла оборотня, но кончик лезвия прочертил все-таки кровавую полосу поперек кадыка. Пастер схватился ладонью за рану и пропустил удар коленом в живот. Отпрянул, с размаху ударяясь ребрами о рукоять коромысла, с помощью которой матросы выбирали цепь при заглушенной машине.

— Все! — с торжеством в голосе Седой занес клинок над корчащимся противником.

— Будь ты... — каркнул, задыхаясь, оборотень.

Харрисон потянулся за револьвером, сам не понимая, что делает. Но в это время с крыши баковой надстройки, растянувшись в длинном прыжке черно-золотым телом, слетел на плечи Вудсу леопард.

«Откуда?»

Когти-крючья рванули плотную шерсть форменного кителя, но охотник — на затылке у него глаза, что ли? — полоснул кинжалом назад, по лапам. Зверь отпрянул, зашипел, прыгнул вновь. Очень быстро, но недостаточно для схватки с Вудсом. Левой рукой Седой поймал гигантского кота за переднюю лапу и без видимых усилий ударил его о стену надстройки.

Леопард судорожно дернулся, вытянулся во всю длину и... начал трансформироваться. Удлинились лапы, стало короче

туловище, голова обросла белыми тугими колечками волос.

Нгона? Да на этом судне оборотней, похоже, больше, чем людей!

А Седой, не теряя времени, подлетел к сумевшему перевернуться на четвереньки Пастеру и подобно опытному футбольному инсайдеру пнул его в бок.

— Счастливый день! — ритуальное оружие взметнулось во второй раз. — Тебя, Господи, славим!

Неловко, еще не уверенный в правильности выбора, Эзра поймал на мушку светлое в ночном мраке пятно кителя. Нажал на курок раз, другой, третий...

* * *

Они сидели в капитанской каюте. Сам О'Найл, угрюмо роющий пальцем столешницу, Пастер с мешающей застегнуть сорочку повязкой на горле и Харрисон, только что закончивший рассказ.

— Не понимаю, молодой человек, почему вы погрели на Хэмп? — удивленно проговорил француз. — Несчастный старик! Вот была бы потеха, явись вы его арестовывать.

— Хэмп даже вида крови не выносит, — добавил капитан. — Потому и убежал от трупa Бейлса.

— Да, но запах бренди! Я думал, вы намекаете мне на него.

— Бренди? Ах, бренди! Точно, припоминаю. Разило, как из бочки. Да только я вам намекал на запах эвкалиптовой настойки, которым Вудс, по-моему, пропитался насквозь. Что он с ней делал только?

— Горло полоскал, — отвечал О'Найл. — От него всегда разит. Мы-то уже смирились. Ну и чутье у вас, мсье Пастер!

— Не курю, знаете ли. И никогда не курил. Так или иначе, а мой нюх помог нам раскрыть преступника, на счету которого даже не сто, а куда как больше жертв.

— Неужели он и вправду такой зверь? — проговорил Эзра и осекся — тактично ли такое сказать оборотню.

— Он человек, — горько усмехнулся Пастер. — Единственное животное, для которого убийство себе подобного норма, а не печальная необходимость.

— Я подготовил отчет, — капитан побарабанил пальцами по столу. — Мой второй помощник сошел с ума. Очевидно, какая-то редкая, экзотическая и наверняка неизлечимая болезнь. В припадке буйства убил пассажирку и потом пытался убить еще двоих человек. Поступок мистера Харрисона, подкрепленный

нашими свидетельскими показаниями, будет расцenen коронером как мера необходимой самообороны.

— Спасибо. Вы намерены заявить властям уже во Фритауне?

— Возможно. Хотя можно прекрасно потерпеть и до Гибралтара. В любом случае, Фитц-Роя, который вовсе никакой не Фитц-Рой, придется везти в Британию.

— А кто они вообще такие, эти Фитц-Рои? — Эзра смущенно оглядел собеседников. — Я так и не понял их роли...

— Мошенники. Насколько я понял из бессвязных фраз псевдолейтенанта — он, похоже, и в самом деле тронулся умом — работают в паре очень давно. Несколько лет. Выдают себя за мужа и жену. Вернее, выдавали. Втирались в приличное общество, тщательно выбирали жертву и обчищали несчастного. Причем на решающей фазе ограбления работала всегда женщина.

— Скорее всего, он и не подозревал, что она оборотень, — веско добавил Пастер. — А ей врожденные способности помогали пробраться туда, куда не проберется человек, скрыться от преследований, защититься в непредвиденной ситуации, как вышло с некстати подвернувшемся конкурентом.

— Значит, они нацелились на алмаз Шотбоу, алмаз Дингаана?

— Да. Просто удивительно, насколько мы с вами близко подобрались к разгадке, — кивнул этнограф. — Дело об алмазе Дингаана можно было решить значительно раньше, если бы не моя глупая паника после прочтения записки Седого. Признаться, я на время утратил контроль над чувствами и разумом.

— Что теперь судить себя? Все могло вообще сложиться по-другому. Ведь мы могли сесть на разные пароходы.

— Да, — капитан снова поцарапал ногтем стол. — Иногда мне хочется, чтобы так и вышло. Без меня и, желательно, подальше от моего судна.

— А зачем Вудс устроил погром в каюте Фитц-Роев? — встрепнулся Харрисон. — Неужели он уже подозревал?

— Что? Погром? Вудс никогда не устраивал никаких погромов. На моей «Суламифи», по крайней мере. Лейтенант сам изувечил вещи и мебель. Должен признаться, со своим гардеробом он обошелся куда бережнее, чем с судовым имуществом. Это была ловкая имитация погрома. Самим Фитц-Роем и учиненная.

— Зачем?

— А для того, чтобы перебраться в каюту Вудса. Какая ирония судьбы? Ведь она отделена от комнаты Шотбоу всего лишь перегородкой. Очевидно, дальнейшие события они планировали следующим образом. Лейтенант ушел на обед. Его якобы жена,

сказавшись больной, намеревалась вскрыть замок на двери Шотбоу, быстро взять алмаз... Кстати, я прижал мистера Шотбоу — вот еще одна темная лошадка — с целью выяснить, откуда у него такое сокровище. Он так и не признался, хотя спеси подрастерял изрядно. Зато показал мне алмаз. Чистой воды, никаких примесей. Величиной с голубиное яйцо. Я не специалист, но на первый взгляд: каратов сто — сто двадцать. Целое состояние.

— Да, — подтвердил Пастер. — Почти в полтора раза больше «Звезды Южной Африки». Затрудняюсь назвать цену.

— А как же Вудс умудрился добраться до оборо... До миссис Фитц-Рой?

— О, это элементарно. Сказал вахтенному матросу, что забыл в каюте сигару. Постучал в двери. Возможно, даже назвался. Думаю, Фитц-Роям, как и вам, в голову не приходило, что второй помощник — пресловутый Седой охотник. Он и седым-то не был. Не больше, чем я, по крайней мере.

— Значит, она открыла дверь. В человеческом облике?

— Скорее всего, да. Иначе, простите меня, джентльмены, миссис Фитц-Рой лежала бы в коридоре обнаженная.

— Тогда он ударил стилетом. Или тесаком?

— Пожалуй, клинок Охотников ближе к стилету. Обычно лезвие серебрят. Хотя, по большому счету, оборотню все равно — серебром его протыкают или сталью. Так же, как и любому человеку.

— А потом, как ни в чем ни бывало, вернулся на вахту?

— Да, — покивал капитан. — И даже шутил, напевал какую-то песенку. Мне вахтенный матрос рассказал.

— А вилку в стол? — вдруг спохватился Эзра. — Как он мог пришить записку, сидя с нами в курительной?

— Этого я не знаю. И загадывать не берусь.

— Припомните хорошенько, — Пастер склонил голову чуть-чуть набок. — Может, он выходил ненадолго.

— Да нет...

— Или задержался дольше других?

— Точно! — молодой человек всплеснул руками. — Точно! Они с полковником вечно расшаркивались в дверях. «После вас. Нет, только после вас». Но ведь Вудс задержался на секунду, другую, не более того!

— С его-то силищей? — француза слегка передернуло. — Седой способен был всадить оружие в деревяшку без замаха. А уж размахнись — или стол продырявил бы насквозь, или вилку погнул.

— Вот и разгадано дело, — негромко проговорил

Хапприсон. — Все-таки не могу отделаться от мысли, что все беды, преследующие нас, из-за алмаза.

— Всеми преступлениями, на мой взгляд, — кивнул капитан. — Движет жадность...

— И ненависть, — добавил француз.

— Значит дело об алмазе Дингаана можно считать закрытым? — Эзра откинулся на спинку кресла. — Правда, нельзя сказать, что я достойно использовал метод великого Холмса.

— Ничего, для первого раза очень даже сносно, — улыбнулся Пастер. — Не удивлюсь, если вы теперь бросите торговлю шерстью и откроете частное сыскное агентство. «Детективное агентство Харрисона». Как вам идея?

— Стоит подумать. Хотя до сих пор мне нравилось мое дело.

Они попрощались с капитаном и вышли в коридор.

— Как состояние Нгоны? — поинтересовался молодой человек.

— О, он крепкий старик. Не в таких переделках бывал, хотя Седой довольно сильно приложил его головой о надстройку. Скоро поправится. Это ж надо! Принять облик леопарда в каюте, выбраться через иллюминатор и броситься мне на помощь!

— А что вас удивляет? Что ему удалось превратиться в леопарда в каюте?

— Обернуться. Я предпочитаю этот термин.

— Ну, хорошо, обернуться...

— Нет. Меня не удивляет, что это произошло в каюте. Он опытейший оборотень. Не самый сильный, но годы тренировок дают себя знать. Меня удивляет, что он сообразил открыть иллюминатор до начала трансформации.

Пастер засмеялся так заразительно, что не подхватить Эзру просто не мог.

— Простите, мсье Пастер, — смахивая пальцем слезу из уголка глаза, проговорил Харрисон. — А на каком языке вы обругали Вудса — Седого Охотника? Ну, там, у брашпиля.

— На каком? На русском. Ни один язык так не приспособлен для оскорбления противника. Я хотел заставить его ошибиться, сделать неверный шаг, но не удалось.

— Почему?

— Очень просто. Седой охотник не знал русского. Половина европейских, хинди, суахили, зулу, фарси... а русский — нет. Досадное недоразумение, не так ли?

— А вы откуда знаете русский?

— О, а об этом у нас еще будет время поговорить. Честь имею!

Непринужденным движением Пастер вскинул два пальца к

виску, щелкнул каблуком не хуже гвардейского офицера и скрылся в своей каюте.

февраль 2004